

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЦИКЛА С. ГОРОДЕЦКОГО «ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ»

Алексеева Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны РФ, Кострома, Россия, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике основных признаков интеграции, наблюдающихся в «Тюремных песнях» С. Городецкого, наличие которых свидетельствует о циклической структуре произведения. В работе дан развёрнутый анализ стречневых тем цикла, центральных мотивов и образов. Автором указывается, что ведущую роль в формировании принципа текстопостроения художественного единства играет антитеза, при помощи использования которой наиболее чётко прослеживается развитие позиции лирического героя, которая становится тождественной позиции самого автора. В статье сделан вывод о том, что стихотворения, составляющие структуру «Тюремных песен», действительно обнаруживают общие художественные скрепы, поддерживающие циклическую природу произведения, а также прочные художественные связи со всей структурой сборника «Дикая воля». К ним относятся как общее заглавие, единый лирический герой, близкий самой фигуре автора, общие мотивы и образы, так и жанровые характеристики отдельных стихотворений цикла. Кроме того, концептуальные смыслы для понимания произведения в целом рождаются не внутри отдельных стихотворений, а на их стыках, что даёт возможность приблизиться к постижению авторской картины мира, воплощённой поэтом в тексте цикла.

Ключевые слова: циклизация, лирический цикл, художественная целостность, Серебряный век, Сергей Городецкий, «Дикая воля», «Тюремные песни».

Для цитирования: Алексеева А.А. К вопросу о художественной целостности цикла С. Городецкого «Тюремные песни» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 122–127. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-122-127>

Research Article

ON THE ISSUE OF THE ARTISTIC INTEGRITY OF SERGEY GORODETSKY'S CYCLE “PRISON SONGS”

Anastasia A. Alekseeva, Candidate of Philological Sciences, Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Kostroma, Russia, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the characterisation of the main signs of integration, observed in “Prison Songs” by Sergey Gorodetsky, the presence of which testifies to the cyclical structure of the work. The work provides a detailed analysis of the core themes of the cycle, central motifs and images. The author points out that the leading role in the formation of the principle of textual construction of artistic unity is played by antithesis, through the use of which the development of the position of the lyrical hero is most clearly traced, which becomes identical with the position of the author himself. The article concludes that the poems that make up the structure of “Prison Songs” do reveal common artistic bonds that support the cyclical nature of the work, as well as maintain strong artistic ties with the entire structure of the collection “Unbound Freedom”. These include both a common title, a single lyrical hero, close to the very figure of the author, common motifs and images, and genre characteristics of individual poems of the cycle. In addition, conceptual meanings for understanding the work as a whole are born at their junctions rather than within individual poems, which makes it possible to get closer to comprehending the author’s picture of the world, embodied by the poet in the text of the cycle.

Keywords: cyclisation, lyrical cycle, artistic integrity, Fin de siècle, Sergey Gorodetsky, “Unbound Freedom”, “Prison Songs”.

For citation: Alekseeva A.A. On the issue of the artistic integrity of Sergey Gorodetsky’s cycle “Prison Songs”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 122–127 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-122-127>

С. Городецкий принадлежал к тому числу поэтов, чья писательская активность пришлась на непростое время рубежа веков. Включаясь в тенденцию русского литературного процесса названной эпохи (постоянного поиска новых форм творчества), он создаёт и актуальные для поэтов Серебряного века «сверхжанровые» [Дарвин] образования, которые получили наименование «лирические циклы». Одним из такого рода произведений являются «Тюремные песни», о природе художественной целостности которых и пойдёт речь в настоящей статье.

Данный вопрос в литературоведческой науке отдельно не поднимался, однако некоторые художественные особенности мотивно-образной системы названного цикла становились предметом внимания исследователей. Так, отличительные черты мифологического сознания поэта, выраженные в «Тюремных песнях», исследовались Т.В. Щербаковой [Щербакова]. Характер лирического героя сборника «Дикая воля» стал объектом научного интереса Е.В. Локтевич [Локтевич]. Некоторые особенности поэтики цикла упоминаются в монографии А. Ханзен-Лёве, ставящей вопрос о сущности и отличительных чертах русского символизма [Ханзен-Лёве].

Исследуемое произведение входит в общую структуру большего по объёму художественного единства – сборника стихов «Дикая воля», является одним из его разделов. Уже своим заглавием лирический цикл «Тюремные песни» обнаруживает органическую связь с другими произведениями книги. Поэт вводит в название цикла лексему, вступающую в антонимичные отношения с центральным понятием сборника («воля»). Здесь же адъективный компонент «тюремные» обращает реципиента к ситуации невозможности обретения той самой воли, что для лирического героя становится предпосылкой к тяжёлым психологическим переживаниям, нашедшим своё художественное воплощение в тексте цикла. В произведении переданы те мысли и ощущения лирического героя, которые он познал в «плёну». Об этом лирический герой упоминает в стихотворении, которое структурно является вводным в системе всего сборника:

Здесь поведать захотел я дикой воли голоса.

Что в плёну уразумел я, что напела мне краса

[Городецкий: 165].

Следует отметить, что все очерченные в первом стихотворении сборника темы (любовная тематика, тема детства и раздумья «за железной решёткой») раскрываются и в стихотворениях «Тюремных песен».

Песни поэта неслучайно становятся «тюремными». Данное прилагательное несёт в себе прямое указание на место написания цикла, что делает анализируемое произведение автобиографическим и роднит лирического субъекта с личностью самого автора.

Вызывают интерес и те заголовки, которые автор даёт каждому из входящих в состав цикла стихотворений. Примечательно, что все они однословные (за исключением произведения «Синий вечер»), однако именно та лексема, что выведена в заглавие, отражает основную тематическую принадлежность стихотворения. Уже своей внутренней семантикой такие названия, как «Жертва», «Кручина», «Голоса», обращают реципиента к постижению внутреннего состояния узника. Примерами заголовков, отражающих тематику родины, деревни, её необычайной атмосферы, оказываются, например, «Поясок», «В лесу», «Ау!». Любовной тематикой пронизано стихотворение «Повязка», центральный образ которой сопряжён с незримым образом любимой, поскольку её присутствие лирический герой ощущает благодаря завязанному на память лоскуту ткани.

Таким образом, все стихотворения лирического единства представляется возможным разделить на три условные группы, первая из которых призвана описать тюремные будни поэта, вторая есть отсыл к вольному периоду жизни лирического субъекта, ассоциирующемуся у него с родной деревней, третья овеяна любовной тематикой, хотя данная группа не является многочисленной. Однако интерес вызывает тот факт, что, чем ближе к финалу художественного единства, тем сложнее отнести стихотворение к той или иной обозначенной тематической группе. «Море» и «Поэт» могут трактоваться как глубоко философские (к этой же группе представляется возможным отнести стихотворение «Ясность», равно как и к первой группе, поскольку в нём есть указание на место пребывания лирического героя). В тексте обозначенных стихотворений нет указания на место развёртывания лирического сюжета, они представляют собой размышления лирического героя, которые он «в плёну уразумел». Последнее же из перечисленных посвящено раскрытию темы поэта и поэзии, звучащее как творческий манифест, подводит своеобразный итог всем рассуждениям лирического субъекта: и о потерянной воле, и о любимой женщине, и о родном сердцу краю.

Тематическая отнесенность стихотворения отчасти диктует и его собственную жанровую природу. Так, те произведения, что раскрывают тему деревенского прошлого, по своей форме представляют собой стилизацию под народную песенную традицию («Поясок», «Повязка», «Ау!»). Более элегичный характер носят стихотворения, которые описывают «тюремные будни» поэта («Клятва», «Жертва», «Голоса», «Черда»), а также те, что имеют глубокий философский характер («Ясность», «Море», «Поэт»).

Таким образом, заголовочный комплекс выступает в произведении в качестве интегрирующего начала, поддерживающего целостность лирического цикла.

Одной из наиболее частотно употребляющихся в цикле становится лексема «воля», а также одноко-ренные ей слова («вольный», «вольна», «вольней»). Центральным художественным приёмом в произведе-нии является антитеза, которая прослеживается на уровне противопоставления воли и тюремного заточения. В тексте цикла наличествуют не толь-ко собственно слова «воля» и «тюрьма», но и мета-форически переданные, ассоциирующиеся с ними понятия. Так, в семантическое поле «воля» вклю-чаются все природные образы: синее небо (как сим-вол свободы), голубые высоты, болота, тёмный лес и сама мать-природа:

Я ль с водою не ласкался
По озерам и рекам,
В струйках синеньких плескался,
Греб навстречу рыбакам.
(«Жертва») [Городецкий: 174].

Образ родного края, где лирический герой чув-ствовал себя поистине свободным, противопоставлен тюрьме с её холодными и глухими стенами. Лириче-ский субъект передаёт неприятную, давящую атмос-феру камеры через метафорические обороты: «склеп печальный, одноокый», «тесный терем», «склеп зе-леноватый», «каменная неволя», «протоптаный не-вольничий порог», «могила каменная», «могила нежи-лая», «зверинные разорённые норы». Символическое значение имеет образ окна – единственное место, ко-торое разрывает «ледяную полутьму», и сквозь него лирический субъект может созерцать свободный мир:

За стеною солнце, солнце!
Но не к солнцу глаз-оконце!
А в такую же стену...

(«Клятва») [Городецкий: 172].

Мир узника уменьшился до размеров тюремной камеры, куда не может проникнуть свет. Об этом сви-детельствуют такие описания его комнаты, как «тьма могилы неживой», «ядовитая мгла», «тёмный склеп», «ледяная полутьма». Источник света, «глаз-оконце», упирающийся в ещё одну «холодную стену», при-обретает миссию транслятора, проводника между узником, ощущающим себя словно в могиле, и жи-вым миром, который полон удивительных звуков. Таким образом, «колокольный звон», «гул молвы» становятся метафорой воли. Наряду с ними со сво-бодой в душе лирического героя ассоциируются та-кие понятия, как «детский сон» («*Так же дети видят сны*» [Городецкий: 180]), семья голубей, набросив-шихся на зерно около тюремной стены («*Покой-ны будьте, голуби! // Обильно сыплю я. // Насыти-тесь тут долюбя // Вся вольная семья*» [Городецкий: 179]), поднебесные птицы. Особое значение для ли-рического героя приобретает образ дневного свети-ла. Он также становится символом свободы и воль-ной жизни. В процитированном выше стихотворении

«Клятва» особенная роль солнца в душе узника под-чёркивается с помощью приёма лексического по-втора. Кроме того, данный образ проходит через всё художественное пространство цикла. Так, в финале данного стихотворения лирический субъект клянёт-ся сохранить в памяти солнечный свет, в букваль-ном смысле слова дарующий надежду на свободную жизнь, ожидающую его после выхода из застенков:

Но и малое оконце
Вижу я на небе солнце <...>

Солнца ясность золотая!
Я храню тебя, святая,
Я и здесь останусь жив!

(«Клятва») [Городецкий: 173].

Примечательно, что в продолжение цикла есть стихотворение, название которого представляет со-бой одно из слов процитированного отрывка. Стихо-творение «Ясность», призванное описать умозаключе-ния героя, к которым он пришёл, сидя в «одиноким тереме», а потому и имеющем одно из основопола-гающих значений в художественном единстве, при-обретает символическое значение и может быть ис-толковано двояко. Во-первых, ясность как нечто «логичное, стройное и чёткое» [Ожегов: 748], пред-ставляющее собой трезвую, обдуманную мысль, а во-вторых, внутренняя семантика данной лексемы может содержать сопоставление с солнечным светом, который дарит сияние, яркие краски, свет. Симво-лизм как заглавия стихотворения, так и его содержа-ния, таким образом, проявляется в том, что значе-ние света, а следовательно, и свободы, приобретает для лирического героя несколько иное значение, не-жели просто нахождение вне стен «каменной моги-лы». Теперь он понимает, что свободу возможно най-ти в самом себе:

И внимаю сердцем чистоту и ясность
Предо мной лежащих голубых высот,
Где промчится, с вечным утвердив согласность,
Дней моих грядущих просветлённый лёт

(«Ясность») [Городецкий: 182].

Начиная со стихотворения «Кручина» размышле-ния лирического героя приобретают всё более глу-бокий философский характер. Находят своё художе-ственное воплощение и тяготение поэта-символиста к мистике. В стихотворениях «Серый вечер» и «Ма-рево» лирический герой ведёт диалог с природными явлениями. Они материализуются, вступают в сво-еобразную игру с узником тюрьмы, отвлекают его от переживаний по поводу собственного заточения. Именно эта встреча с «колдовскими» явлениями при-вела поэта к важной мысли о внутренней свободе че-ловека, которую не в силах отнять даже холод «ка-менной неволи». Стихотворение «Море» развивает эту «ясность». Лирический герой погружается всё

больше в глубину своего внутреннего мира, осознаёт, что душа бесконечна:

Только волны ходят вольно, как хотят и где хотят,
И серебряные брызги к небу синему летят.

Только я гляжу, не веря широте морской души:
Неужели эти дали из моей идут глуши?
(«Море») [Городецкий: 183].

Искреннее удивление лирического героя передано автором при помощи такого синтаксического средства выразительности, как риторический вопрос. Он адресован собственному «я». Лирический герой в рамках цикла демонстрирует реципиенту, что свободу можно научиться обретать и через органическую связь с другими людьми, привольно гуляющими на просторе. Об этом он говорит в стихотворении «В лесу». В нём ещё крепко интерес самого С. Городецкого ко всему потустороннему, колдовскому и мистическому. В центре лирического сюжета – девушка и её возлюбленный. Девушка оказывается представительницей мира живых, тогда как мужчина уже ушёл в мир мёртвых. Лес, таким образом, – это место встречи двух сосуществующих миров. Думается, что это неслучайно, поскольку природа в сознании поэта выступает связующим звеном между двумя пересекющимися, но в то же время близкими мирами. В финальных строках звучит своеобразный вывод героя, важный для понимания его изменившейся с начала цикла позиции, а также несомненно совпадающий с мнением героя лирического повествования (умершего мужчины):

И окни свободным оком
Красоту и бытиё.
Всё ль твоё в лесу высоком?
Твое, так и мое.
(«В лесу») [Городецкий: 185].

Основным для понимания смысла целостного произведения оказывается финальное стихотворение «Тюремных песен», которое носит имя «Поэт». Лирический герой, пройдя через испытания темницей, пообщавшись воочию с силами природы, которые по сути своей всегда свободны, осознаёт, что тот дар слова, которым владеет лирический герой, способен вселить в его душу уверенность на вечную волю, что он сам может оказаться транслятором идей бессилия оков над другими страждущими. В финале цикла поэт заявляет:

Да будет щедр и безразличен
Для всех сияющий мой свет,
Когда святым огнём отличен
Я волей божьею поэт.
(«Поэт») [Городецкий: 186].

Процитированный отрывок преисполнен слов, значение которых восходит к внутренней семантике «свободы»: «сияющий», «свет», «воля», «святой огонь».

Все они призваны олицетворить победу солнечного света внутреннего мира и души человека над всеми «зверинными норами», отбирающими у людей внешний мир. Эти строки символичны ещё и потому, что в них провозглашён вечный душевный свет и свобода, которой обладают божественные силы, не подвластные ни одной земной власти, наряду с «коннотацией повелевания» [Локтевич: 121]. И именно сродни «помазаннику божьему» поэт несёт для всех спасенье и надежду на неиссякаемый душевный свет, а значит, и вечную свободу.

Как манифест, своеобразное творческое кредо в анализируемом стихотворении звучат строки о назначении поэта и поэзии:

Да будет свят и непорочен
Мой целомудренный язык,
Как взгляд орла седого, точен
И чист, как снеговой родник.

Да будет всем всегда понятен
Судьбою выкованный стих,
Равно вчера и завтра внятен,
Равно для юных и седых.

(«Поэт») [Городецкий: 185].

Таким образом, в основную тематическую линию лирического цикла органично вплетаются и так называемые сопутствующие темы, развитие которых важно для постижения авторской картины мира поэта, претерпевающей трансформацию от стихотворения к стихотворению. Помимо темы поэта и поэзии концептуальным становится и проникновение в художественное пространство цикла темы смерти. Как справедливо отмечает Т.В. Щербакова, в вере в органическое сосуществование двух миров – живого и мёртвого – заключается «космогония Городецкого» [Щербакова: 9], в рамках которой тесно сосуществуют живые и мёртвые, животные и птицы, человек и природа. Все они есть составляющие общей системы, «части одного мира», который представляется поэту «цельным» и гармоничным» [Щербакова: 9].

В начальном стихотворении сборника автором заявлены три основные цели создания книги «Дикая воля», среди которых – описание любовных переживаний, передача мыслей, которые пришли к герою в неволе, а также тематика детства. Следует отметить, что в рассматриваемом произведении тема детства не является центральной, однако образ ребёнка, кормящей матери, колыбели возникает и в «Тюремных песнях». Например, в стихотворениях «Марево» и «Кручина». Примечательно, что последнее из упомянутых претендует на своеобразный диалог со вступительным стихотворением сборника. В одном из его четверостиший также проговариваются все три основные темы, избранные автором для освещения в рамках сборника «Дикая воля»:

Ведь всё так же светит солнце,
 Так же дети видят сны.
 И земля всё так же встретит
 Песни первые весны.
 («Кручина») [Городецкий: 180].

Процитированные строки есть самоуспокоение лирического героя, отражение его мучительного поиска поводов не предаваться печальным мыслям. Солнечный свет в данном стихотворении есть метафора вольной жизни, образ спящих детей – отсыл к волшебству времени детства, весна же – символ любви, нежности и возрождения жизни после долгих холодов. Таким образом, данное стихотворение содержит художественные параллели с начальным произведением сборника, в том числе и закрепляя анализируемый цикл в структуре всей книги в целом.

Постепенное развитие темы обретения внутренней свободы в неволе сигнализирует о том, что в цикле функционирует единый лирический герой, переходя из стихотворения в стихотворение. Его внутреннее состояние, убеждения и мысли претерпевают трансформацию, которая вырисовывается целостно лишь при анализе художественного единства. Лирический герой, как уже было сказано выше, обнаруживает тесную связь с фигурой самого С. Городецкого. Черты автобиографичности произведению придаёт и элемент портретного описания лирического героя. В стихотворении «Серый вечер» есть указание на цвет глаз лирического героя, который чудесным образом переключается с цветом самого вечера, метафорически названного лирическим субъектом «сероглазым мальчиком». Именно это сближение ещё раз подтверждает ощущение тесной взаимосвязи самого поэта и окружающего мира. Всё это восходит к мироощущению С. Городецкого, его идее гармоничного сосуществования мира людского и природного, берущей своё начало в фольклорной традиции. Кроме того, автобиографичность произведения проявляется и в присутствии мистических мотивов и образов в тексте «Тюремных песен». О тесной взаимосвязи лирического героя и автора свидетельствует и сам топос – тюрьма. Это известный реальный факт жизни поэта. Он отбывал наказание в царской тюрьме «Кресты» в то время, когда создавал данный лирический цикл.

Что касается тестовой организации и жанровой принадлежности отдельных стихотворений цикла, то в рамках художественного единства определяются песенно-народные и элегические формы произведений. Интерес вызывает тот факт, что стилизация под фольклорную традицию – это начальные стихотворения «Тюремных песен». Ближе к концу цикла с нарастанием и углублением философских размышлений лирического героя стихотворения теряют свою песенную природу, однако всё же сохраняют не-

которые особенности, свойственные народной песне: лексические повторы, анафора, эпифора, инверсия, кольцевая композиция стиха. Причём трансформация жанровой формы в цикле также происходит поэтапно, постепенно.

Таким образом, основой художественной целостности «Тюремных песен» С. Городецкого является развитие стержневых тем, главной из которых является тема свободы. Она развивается в цикле тремя основными путями: во-первых, лирический герой жадно поглощает частички свободы из оконца тюремной камеры, постепенно он как бы освобождается от гнёта каменных стен и вырывается наружу, на лоно природы, которую нежно именует «матерью». Во-вторых, почувствовать себя вольной птицей узнику помогает ощущение тесной взаимосвязи человека с миром мистики, загробной жизнью. В-третьих, бесконечную свободу он почувствовал в самом себе, своём внутреннем мире и собственном поэтическом даре, отождествляемом им с божественной силой, которая априори не может быть скована цепями и погружена в «ядовитую мглу» тюремной камеры. Кроме того, интегрирующим началом в художественном единстве оказывается заголовочный комплекс, единый лирический герой, художественные переключки как внутри целостного произведения, так и с другими произведениями сборника, а также жанровые характеристики отдельных стихотворений цикла.

Список литературы

Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и сост. С.И. Машинского; подг. текста и коммент. Е.И. Прохорова. Ленинград: Советский писатель, 1974. 638 с.

Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-т, 1983. 104 с.

Локтевич Е.В. Трансформация параллелизма в контексте феномена идейно-субъектной пограничности (на материале сборника С. Городецкого «Дикая воля») // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы: сб. ст. X Междунар. практ. конф. 2019. С. 119–122.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2003. 814 с.

Щербакова Т.В. Мифопоэтика в сборнике Сергея Городецкого «Дикая воля» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, Журналистика, 2013. № 2. С. 5–13.

References

Gorodetskiy S.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Leningrad, Soviet writer Publ., 1974, 638 p. (In Russ.).

Darvin M.N. *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The problem of the cycle in the study of lyrics]. Kemerovo, Publishing house of Kemerovo State University, 1983, 104 p. (In Russ.).

Loktevich Ye.V. *Transformatsiya parallelizma v kontekste fenomena ideyno-sub'yektnoy pogranichnosti (na materiale sbornika S. Gorodetskogo «Dikaya volya»)* [Transformation of parallelism in the context of the phenomenon of ideological-subject borderline (based on the collection of S. Gorodetsky "Wild Will")]. *Innovative development of modern science: problems, patterns, prospects: collection of articles. articles of the X International Practical Conference*, 2019, pp. 119–122. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language], ed. by Corresponding Member USSR Academy of Sciences N.Yu. Shve-

dova. Moscow, Russian language Publ., 1987, 750 p. (In Russ.).

Khanzen-Love A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The system of poetic motives. Mythopoetic symbolism. Space symbolism]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 2003, 814 p. (In Russ.).

Shcherbakova T.V. *Mifopoetika v sbornike Sergeya Gorodetskogo «Dikaya volya»* [Mythopoetics in Sergei Gorodetsky's collection "Wild Will"]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism, Journalism], 2013, № 2, pp. 5–13. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.12.2020; одобрена после рецензирования 08.03.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 10.12.2020; approved after reviewing 08.03.2021; accepted for publication 18.08.2021.